

Дались им ЭТИ НОВЫЕ формы!

Моск. премьер. - 1998. -
7 мая - с.ч.

Марина ГАЕВСКАЯ

«Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно», - категорически заявил сто лет назад герой чеховской «Чайки» - юный максималист Костя Треплев. И не ведал о том, что слова эти будут подняты на щит множеством грядущих новаторов и псевдоноваторов.

В третью неделю Третьего Международного фестиваля имени А.П.Чехова новые формы были представлены в изобилии. И, конечно, самый яркий тому пример - «Три сестры» А.Чехова в постановке Кристофа Марталера (Театр «Фольксбюне». Берлин. Германия). Правда, весьма значительная часть публики оказалась в роли Аркадиной - предъявленных новых форм не приняла и в антракте бежала. Впрочем, была ли права сама Аркадина в отношении к экспериментам сына - вопрос, до сих пор остающийся открытым. Так и сегодняшних зрителей вряд ли кто-то осудит, к тому же их мнение совпало с оценкой и немалого числа критиков - случай в театральной практике и вовсе редкий. Что же заставило пришедших на спектакль с самыми благими намерениями спастись бегством? Когда завершился наконец подчеркнуто долгий процесс раскрытия занавеса, то за ним представало пространство многоплановое и многоярусное, графически четкое и оригинально выстроенное (сценография Анны Фиброк), что уже само по себе обещало «зрелище необычайное». Когда же это пространство, состоящее из огромной лестницы и нескольких площадок, наполнилось персонажами спектакля, то стало напоминать то ли «дом отдыха для ветеранов трудового фронта», то ли хоспис, где собрались люди, обреченные на медленное умирание. Их движения доведены до бессмысленного автоматизма, их действия нелепы и патологичны, их речь уныло монотонна или же сведена к скороговорке, их чувства омертвели, и сами они стали никому не нужны. Что ж, мысль о всеобщей невостреманности, как бы она ни была мрачна, по сути своей вполне чеховская и на сегодняшний день весьма актуальная. Да и новые формы нужны, кто же с этим спорит. Вот только когда примерно на двадцатой минуте спектакля становится очевидным, что найденный прием, как бы ни был он интересен, будет с минимальным количеством вариаций повторяться еще в течение трех с половиной часов, в голове начинает неотвязно вертеться фраза другого классика: «Но, боже мой, какая скука...», а новые формы уже оборачиваются старыми штампами, только вывернутыми наизнанку.

Второй спектакль из Германии - «Медея» Еврипида в режиссуре Ханса-Ульриха Беккера (Штаатсгеау. Штутгарт) - также вольно или невольно начался с эпатажного эпизода: на ветке сидел человек и на чистом русском языке повествовал нам предысторию Медеи. Соотечественника Евгения Лазарева в нем признали далеко не сразу, а кто-то так и остался до конца в неведении. Зал оживился и настроился было на некое пародийно-занимательное зрелище, однако спектакль быстро развеял эти ожидания. Лаконичный, строгий, точный и четкий по мысли и выстроенности мизансцен, он по жанру оказался ближе к современной философской драме, чем к древнегреческой трагедии: герои непривычно холодноваты и сдержанны в проявлении чувств, страсть уравновешена разумом. И Медея - отнюдь не обезумевшая от ревности женщина. При всей жестокости содеянного, в ее доводах и поступках заложена собственная философия и высшая правда. В том убеждает и хор, необыкновенно слаженный и очень значимый в данной постановке. Эти женщины в одинаковых костюмах, похожих на рабочие халаты, не только наблюдают за действиями Медеи и стараются оградить ее от ошибок, они как бы являются частью ее самой, отго-

лоском ее внутренних сомнений и колебаний. Есть ли в постановке Штутгартского театра новые формы? Безусловно. Его решение, в том числе и сценографическое, выглядит вневременным и непространственным, костюмы персонажей ничем не напоминают древнегреческие, чувства и поступки героев по-современному рациональны. Но их боль, их страдания остаются столь же понятными и вечными.

Французский режиссер Оливье Пи в спектакле «Лицо Орфея» (театр «Л'Энконвьян де Бутюр». Париж. Франция) также обратился к темам непреходящим, к мифу, неоднократно интерпретированному, но ставшему для автора и постановщика скорее поводом для собственных рассуждений и умозаключений. Многочасовое представление дробится на множество эпизодов, в которых смешиваются времена и места действия, разные стили и жанры, длинные многословные монологи и пародийные репризы, мотивы апокалипсиса и атрибуты развлекательного шоу. Что же касается второго спектакля Оливье Пи, то о нем достаточно точно и полно сказано в аннотации: «Кабаре «Мисс Найф» - музыкальная история о берлинской певичке, которую неудержимо тянет на безвкусицу». В роли певички выступает сам постановщик, беспрестанно меняющий туалеты, полностью соответствующие данному выше определению. Жанр кабаре для нас непривычен, но, очевидно, дело не только в жанре - сегодня и нашу публику трудно чем-либо удивить. К тому же в данном случае, по всей видимости, предполагался и элемент пародийности. Пародия же требует не меньшего, а, пожалуй, еще большего профессионализма, изящества и чувства меры. В противном же случае - сами создатели спектакля начинают идентифицироваться с теми же созданной героиней, что вряд ли можно считать достоинством представленного действия.

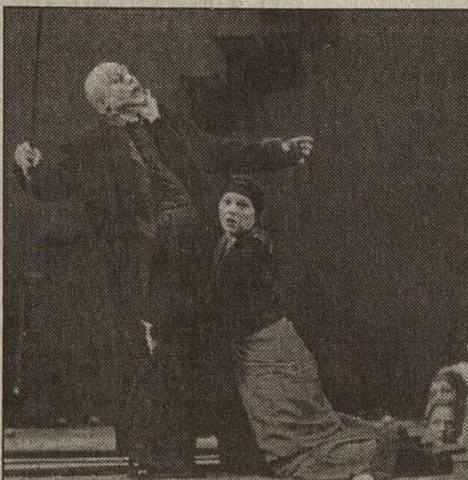
В программу рецензируемой фестивальной недели вошла и постановка еще одного французского режиссера - Патриса Кербрата «ART» по пьесе Ясмины Реза (Международная конфедерация театральных союзов. Французский культурный центр. Министерство культуры РФ. Москва. Россия). Об этом русско-французском проекте уже сказано много добрых слов, в том числе и автором этих строк. Остается лишь заметить, что постановка в первую очередь привлекает именно профессионализмом, безупречным вкусом, изящным остроумием и глубиной.

Два отечественных спектакля по пьесам А.Н.Островского - «Гроза» (ТЮЗ. Москва) и «На всякого мудреца довольно простоты» (Театр п/р О.Табакова. Москва) также не были обделены вниманием критики. Постановка Олега Табакова - веселая легкомысленная игра, озорная шутка, лишённая каких-либо социальных или философских обобщений. Спектакль Генриетты Яновской - синтез психологической глубины и зрелищности, неожиданного режиссерского прочтения и традиционной скрупулезности в разработке характеров. Версия необычная, спорная и уже тем интересная. Одно можно сказать с уверенностью: когда ставишь эти спектакли в ряд с другими фестивальными постановками, отнюдь не становится обидно за державу. И, вероятно, в возможности подобных сопоставлений одно из достоинств фестиваля.

На двух предыдущих Чеховских фестивалях делалась попытка объединить именем Чехова все лучшее, созданное мировым театром, что практически полностью удавалось. В этом году его организаторы подчеркивают, что их цель - наиболее полно представить спектр поисков и направлений современного мирового театра. Фестивальный марафон не одолел пока и половины дистанции, о подведении итогов думать рано. Остается надеяться, что его главные вершины еще впереди.

На снимках: сцены из спектаклей «Три сестры» и «Медея».

Фото МИХАИЛА ГУТЕРМАНА.

ЧЕХОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ